

DOI: 10.22250/2072-8662-2024-4-36-45

Недзельюк Т.Г.

*Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
tatned@mail.ru*

Знание государственного языка как обязательное требование для замещения должности руководителя культа: из опыта России XIX столетия

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей «лингвистического поворота» в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи XIX столетия. Помимо официальной религии, православного христианства, серией указов Екатерины II получили статус признаваемых религиозно-

ные организации ряда других направлений. Остро встал вопрос языка делопроизводства. Знание государственного языка и умение взаимодействовать с его помощью начиная со второй половины XVIII столетия становится совершенно необходимой компетенцией для руководителя религиозной организации. Материалы, послужившие основой для исследования, находятся на хранении в Российском государственном историческом архиве, а именно в коллекции фонда Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ходе исследования выявлено, что введение обязательных требований к знанию языка не представляло собой самоцель, но являлось критерием для замещения должности руководителя культа. Местопребывание лидера религиозной организации в силу территориальной специфики России могло находиться достаточно далеко от центральных губерний страны: например, для буддистов был актуален регион южносибирского пограничья. Рассмотрен ряд кейсов, содержание которых составляют казусы буддистского, мусульманского, католического наполнения; предпочтений в отношении какой-либо административной структуры не выявлено. Установлены причины конфликтного и бесконфликтного типов коммуникации. Отказ от использования государственного языка главой административной иерархии иностранного или инославного исповедания мог стать проблемой, если предметом диалога были финансовые вопросы. Результаты исследования важны для выстраивания конструктивных отношений с представителями религиозных иерархий в многонациональном и поликонфессиональном государстве, каким традиционно является Россия.

Ключевые слова: Российская империя, азиатская часть России, Сибирь, иностранные исповедания, духовные лица, знание государственного языка, русский язык, язык богослужения

Tatyana G. Nedzelyuk

*Altai State University
61 Lenin str., Barnaul, 656049, Russia
tatned@mail.ru*

Knowledge of the State Language as a Prerequisite for Filling the Position of Head of a Cult: The 19th Century Russia's Experience

Abstract. The article studies of the features of the “linguistic turn” in the context of the state and confessional policies of the Russian Empire in the 19th century. Refusal to use the official language is a problem. In addition to the official religion, Orthodox Christianity, by a series of decrees of Catherine II, religious organizations of a number of other directions received the status of recognized ones. The issue of the language of office work became acute. Since the second half of the 18th century, knowledge of the state language and the ability to communicate in it has become an absolutely necessary competence for the head of a religious organization in Russia. Materials used as a basis for this study are stored at the Russian State Historical Archive in the collection of documents from the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions under the Ministry of Internal Affairs. This study revealed that the introduction of mandatory language proficiency requirements was not an end in itself, but was a criterion for selecting cult leaders. A number of cases have been considered. The substantive content consists of incidents involving Buddhist, Muslim, Catholic, and Judaic content. Preferences in relation to any administrative structure have not been revealed. Causes of conflict and types of conflict-free communication have been identified. The results of the study are important for building constructive relations with representatives of religious hierarchies in a multinational and multi-confessional state, which is traditionally Russia.

Key words: The Russian Empire, the Asian part of Russia, Siberia, foreign confessions, clergy, knowledge of the state language, Russian, the language of worship

Введение

Замысел настоящего исследования состоит в верификации гипотезы: возможно ли, не зная государственного языка, руководить религиозной организацией? В каких случаях светская власть проявляет настойчивость и требует коммуникации на официальном языке своей страны?

Незнание языка государства, на территории и в юрисдикции которого планируется вести религиозную деятельность, на первый взгляд кажется абсурдным. Нежелание изучать язык страны пребывания можно объяснить неспособностью к изучению языков, – такое объяснение не приветствовалось никогда и нигде ранее и не поддерживается современным социумом, – однако руководителем религиозного культа вряд ли станет человек со скромными лингвистическими способностями. Умышленное нежелание использовать государственный язык страны пребывания в процессе коммуникации с властными структурами – обратная сторона языкового отрицания.

Между тем существуют прецеденты, несущие заведомо конфликтный потенциал. В исследованиях И.В. Бугаевой и И.С. Пучковой затрагивается проблема билингвизма в религиозной жизни на территории Германии и Финляндии [Бугаева, 2011; Пучкова, 2015]. Традиционно сложная для многонационального государства проблема соотношения «родного языка» и «языка богослужения» на белорусских землях является предметом изучения А.В. Верещагиной [Верещагина, 2019, 102–110]. Церковнославянский язык и византийский обряд в православном богослужении как объект дискуссий нашли отражение в статье Д.В. Рябинина и Л.К. Коньшевой в журнале «Церковь. Богословие. История» [Рябинин, Коньшева, 2022, 231–236]. О том, каким должен быть язык богослужения, рассуждает Б.Я. Гроен [Гроен, 2020]. В своих ранних работах Т.Г. Недзелюк поднимала вопрос о соотносимости классического языка богослужебной практики и разговорных наречий мигрантов [Недзелюк, 2009, 103–110], а также проблем психологического характера, неизбежно возникающих в религиозных общинах, где настоятель и паства являются представителями разных национальностей и в прямом смысле слова «говорят на разных языках» [Недзелюк, 2016, 117–131]. Однако никогда ранее проблема знания/незнания языка государства пребывания для руководителя/представителя религиозной организации не становилась предметом самостоятельного исследования, чему и посвящается настоящая статья.

В качестве корпуса репрезентативных источников для проведения настоящего исследования были востребованы материалы деловой переписки, отложившиеся в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий Российского государственного исторического архива.

Методы. Генеральным методом, позволившим проанализировать солидный массив делопроизводственной документации Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства иностранных дел Российской империи (далее – ДДД ИИ) в Российском государственном историческом архиве, стал метод контент-анализа. Историко-сравнительный метод позволил выявить основания для сравнения схожих процессов и явлений на примерах неправославных религиозных организаций, имевших бытование в России в исторической ретроспективе.

Исследование проведено в рамках подхода новой социальной истории.

Обсуждение результатов исследования

В поле нашего зрения оказались четыре документальных комплекса, названия которых говорят сами за себя. «Дело о введении образовательного ценза для магометанского духовенства, в том числе обязательного испытания в знании русского языка. 1888–1893 гг.» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1074], «Об определении служебных прав евреев, получивших образование за границей, и о признании их образовательного ценза достаточным для занятия в России должности раввина. 1883–1904 гг.» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 453], «О рассмотрении обстоятельств утверждения Ибрагима Ахметова ахуном Семипалатинской области и о признании за гражданскими властями права замещения административных должностей лицами духовного звания. 1864–1865 гг.» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1021], «Ходатайства уполномоченных магометанских обществ об отмене закона 1888 г, предусматривающего обязатель-

ность испытаний в знании русского языка для лиц, желающих занять магометанские духовные должности. 1889 г.» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1079]. В процессе исследовательского поиска и анализа выявленных документов были также аккумулированы фрагменты иных тематических комплексов, упоминаемых далее в тексте.

Буддистская иерархия в России. Отдельный и очень интересный нарративный блок представляют собой материалы переписки «Об увольнении Ванчикова от должности шеретуя Гусиноозерского дацана и от исполнения должности бандидо-хамбы ламайского духовенства Восточной Сибири за противодействие политике правительства в отношении ламайского вероисповедания (09.03.1872–18.09.1872)» . [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236].

Из сообщения руководителя Главного управления Восточной Сибири от 11 февраля 1872 года следует, что ознакомительная беседа вступившего в должность генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Петровича Синельникова с руководителем буддистского культа, хамбо-ламой Галсан-Чойропом Ванчиковым, не состоялась по той причине, что: «Ванчиков не знает русской грамоты, а Высочайше утверждённым Положением (§9) требуется, чтобы кандидаты на звание хамбо-ламы знали по-русски» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 2]. Синельников обвинил Ванчикова в противодействии государственным установлениям.

В чём же состояло это противодействие? Как выяснилось, в подчёркнутом нежелании духовного руководителя сибирских буддистов общаться с представителем светской власти и игнорировании возможности коммуникаций на русском языке. Истинной причиной такого нежелания стало, как выяснится позже, нарушение сразу нескольких пунктов Положения: строительство незарегистрированных дацанов «сверх штата», ношение «внештатными» ламами специальной одежды, «удостоенной штатных лам», обращение к императору Цинской империи для решения «смутных вопросов» и др. [Положение, 1853].

Назначение шеретуя Гусиноозерского дацана главой культа состоялось в 1860 году, о чём имеется запись в материалах Департамента духовных дел: «Исправляющий должность Хамбо-Ламы, Ширетуя Гусино-озёрского дацана Ванчиков допущен к исправлению обязанности Хамбо-Ламы по Высочайшему повелению, сообщённом Министерством внутренних дел, от 31 декабря 1860 г., за №116» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 26]. В августе 1860 года Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский сообщил Министерству внутренних дел, что на место умершего в конце 1859 г Бандидо-Хамбо (первенствующего Ламы) Ламайского духовенства Ишижамсуева, депутатами и родоначальниками от всех инородческих ведомств, исповедующих Ламайскую веру, были избраны, на основании Положения о ламайском духовенстве, три кандидата...» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 5]. Налицо соблюдение дипломатического протокола, когда на вакантную должность избирается не один, а три кандидата; впоследствии из этих трёх путём всеобщего консенсуса выбирается тот, чья кандидатура является «фигурой согласия». Однако ни один из троих претендентов русского языка не знал и стремления к его изучению не проявлял: «... но как сии кандидаты оказались не знающими русского языка, что требуется от возводимого в звание Бандидо-Хамбы означенным Положением и как кроме них, других более достойных и удовлетворяющих всем условиям выбора не нашлось, то собрание депутатов, протоколом своим, приостановило назначение лица для управления духовною частию ламайского исповедания <...> предоставив упомянутым трём кандидатам изучать русский язык» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 6].

В бытность Н.Н. Муравьева-Амурского руководителем Восточной Сибири ему пришлось столкнуться с целым комплексом проблем, требовавших незамедлительного и порой радикального решения. Опiumная война европейских стран против Китая, повлёкшая утрату территориальной целостности империи Цин, маргинализация и угроза наркотизации населения приграничных районов диктовали генерал-губернатору необходимость выстраивания гибкой религиозной политики в отношении буддистской иерархии. Упомянутое выше «Высочайше утверждённое Положение о Ламайском духовенстве в Восточной Сибири» датировано 15 мая 1853 г., но имеет отсылки к Положению 1764 года, узаконившего буддизм в России в каче-

стве одного из «признаваемых» вероисповеданий и учредившего должность верховного хамбо-ламы, которую занял Дамба-Доржо Заяев [Первый Пандито Хамбо Лама, 2024]. Оба документа фактически преследовали одну цель: создание в стране собственной, подчинённой государству в лице ДДД ИИ, религиозной иерархии. (Ранее аналогичная схема была опробована на примере административных структур римско-католической церкви в Российской империи через учреждение Могилевской архиепископии, которую возглавил не ставленник Рима, а назначенный Екатериной II Станислав Сестрэнцевич-Богущ).

Как показала практика, седьмой Пандито хамбо-лама Галсан-Чойроп Ванчиков проявил строптивость и не пожелал входить в подчинение светскому чиновнику, хотя бы и наделённому высшими административными полномочиями в сибирском регионе. С момента избрания в августе 1860 г. до встречи с Николаем Петровичем Синельниковым в феврале 1872 г. прошло достаточно времени, чтобы изучить язык на разговорном уровне. Вероятнее всего, Галсан-Чойроп Ванчиков в повседневной жизни пользовался бурятским, монгольским и русским языками, так как в документальном комплексе содержится достаточно большое число ходатайств на русском языке от представителей его паствы, желавших отремонтировать Джидинский и Цицановский дацаны, а в перспективе – построить новые. Более того, в 1867 г. Галсан-Чойроп Ванчиков был награждён дипломом и золотой медалью Императорского общества любителей естествознания за содействие в пополнении экспозиции Русской этнографической выставки, а в 1873 г. в местечке Харуул-Нюга принимал участие во встрече путешествующего цесаревича, будущего императора Александра III [Колесо, 2024].

Переписка Н.П. Синельникова с руководством ДДД ИИ велась посредством телеграмм, что указывает на экстраординарный и не требующий отлагательства в разрешении характер казуса. И с той, и с другой стороны адресанты проявляли неизменное уважение к персоне руководителя культа (этноним «Буряты» во всех случаях написан исключительно с заглавной буквы, поименование титула «Хамбо-Лама» – также).

Отчаявшись, Синельников обращается к министру внутренних дел, но с тем же результатом: и князь Лобанов, руководитель ДДД, и министр внутренних дел Александр Егорович Тимашев предписывают генерал-губернатору самостоятельно найти решение проблемы, назначив главою культа «лицо, знающее по-русски». Восьмым хамбо-ламой стал Чой Башлиин (Васильев), ширээтэ Сартуул-Булагского дацана, хорошо знавший русский язык; о десятом пандито хамбо-ламе Дампиле Гомбоеве известно, что начальное образование он получил в русской школе Селенгинска [Колесо сансары, 2024].

Осознавая безальтернативность ситуации, Ванчиков спекулирует, разрешая «сверхштатным» ламам носить «платье, присвоенное духовным», и по-прежнему отказывается общаться с генерал-губернатором Восточной Сибири Синельниковым. Возможно, «коса нашла на камень» и возобладали амбиции, так как во взаимоотношениях с предшественником Синельникова, Муравьевым-Амурским, у седьмого хамбо-ламы были ровные бесконфликтные отношения.

«Масла в огонь» подлили представители бурятской буддистской общины, отказавшиеся предлагать ещё одну кандидатуру (ширетуя, знающего русский язык) на должность главы культа и обратившиеся напрямую в ДДД ИИ с предложением прислать в качества лидера религиозной организации человека из центра, «какого бы исповедания он не был» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 5]. Понятно, что если бы был прислан русский православный, это дало бы основание жаловаться в Тибет. Тем более, что прецедент был; встревоженный Синельников в телеграмме от 22 апреля 1872 года сообщает министру внутренних дел о том, что: «Буряты собирали суглан для жалобы через Китайского императора Государю. Теперь спокойно» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 26].

Не зная, как поступить, глава ДДД ИИ обратился напрямую к главе государства: «...имея в виду, что Ширетуй Гусиноозерского дацана на основании Положения о Ламайском духовенстве при открытии вакансии на должность Бандидо Хамбы немедленно заступает его место, <...> я не признал возможным разрешить удаление

Ванчикова от должности Бандидо Хамбы без испрошения на это ВЫСОЧАЙШЕГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 31].

Глава государства повелел проявить осторожность и не назначать представителей иных исповеданий либо чиновников ДДД ИИ для разрешения конфликтной ситуации, но предоставить бурятам-буддистам выбрать из своей среды главу культа. 12 сентября 1872 г. из Санкт-Петербурга в Иркутск была отправлена телеграмма с предписанием за подписью главы ДДД князя Лобанова: «Произвести новые выборы» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Л. 44].

В рассмотренной ситуации государственный язык выступает не в качестве самоцели, а как инструмент государственно-конфессиональной политики.

Мусульманский кейс. Сопоставительный анализ материалов двух документальных комплексов: «О введении образовательного ценза для магометанского духовенства, в том числе обязательного испытания в знании русского языка. 1888–1893 гг.» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1074] и «Ходатайства уполномоченных магометанских обществ об отмене закона 1888 г, предусматривающего обязательность испытаний в знании русского языка для лиц, желающих занять магометанские духовные должности. 1889 г.» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1079] свидетельствуют о том, что взаимоотношения ДДД ИИ с представителями исламской духовной иерархии в XIX столетии нельзя назвать простыми. Восточно-сибирский кейс 1872 г. с участием главы буддистской сангхи Российской империи имел продолжение через 16 лет на Кавказе, здесь акторами выступали как руководство ДДД ИИ, так и руководители мусульманских общин. В 1888 году был введён обязательный экзамен на знание государственного языка для исламских проповедников, мулл и имамов, а также судей кади (казиев).

В данном случае военный губернатор Дагестанской области выступил на стороне духовного лица и обратился в МВД с ходатайством о назначении «вдове бывшего Дербентского казиза Дур-Садафа Мешади Мир Мехти кизы пенсии за службу мужа» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Л. 50]. Супруга казиза не решилась самостоятельно обратиться с прошением, так как понимала, что формально, «в виду последовавшего в 1848 г Высочайшего повеления о воспрещении въезда в пределы России магометанским духовным лицам, получившим духовное образование за границей» её супруг, Ага-Мир-Ахмед-Мешади мир Джафар оглы, в соответствии с буквой закона, не имел права не только служить, но даже проживать в пределах страны. Однако, по причине катастрофической нехватки образованных мулл, «Кавказским Начальством первоначально признано было невозможным, но за отсутствием в Дербенте мулл <...> Ага-Мир-Ахмед-Мешади мир Джафар оглы допущен был к временному исполнению означенной должности» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Л. 50].

О том, что в деятельности и проповедях названного муллы не содержалось крамолы, свидетельствует «одобрительный отзыв бывшего начальника Дагестанской области Генерал-Лейтенанта Князя Меликова». Соискатель был утверждён в должности Дербентского казиза на постоянной основе с назначением стандартного твёрдого оклада в размере двухсот рублей в год. Четырнадцать лет Ага-Мир-Ахмед-Мешади мир Джафар оглы исполнял должность шариатского судьи в Дербенте, а 21 февраля 1893 года скоропостижно скончался, «оставив после себя вдову Дур Садафа 30 лет от роду, сына Мамеда 10 лет и дочь Сеид Бике, от первой жены» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Л. 51]. В наследство семье достались каменный одноэтажный дом и фруктовый сад, приносящий 150 рублей дохода в год. Военный губернатор Дагестанской области писал министру внутренних дел: «Принимая во внимание, что покойный Казий исполнял должность Муллы при отличном усердии и по смерти своей оставил семейству своему незначительные средства к жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не оставить исходатайствованием <...> Государя Императора соизволения на назначение вдове Дур Садаф Мамед Мир-Мехти Кизы единовременного пособия из сумм Государственного Казначейства в размере двухсот рублей» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Л. 51]. Обычно дела о назначении пенсионных выплат «ходили по инстанциям» довольно продолжительное время, но в данном случае все решилось быстро, и уже че-

рез месяц, 31 августа 1896 г., из министерства финансов в Дербент было отправлено распоряжение: «...не встречается препятствий к испрошению вдове и малолетнему сыну бывшего Дербентского казья единовременного пособия в предположенном размере 200 руб» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Л. 54].

Как видим, из любого правила могут быть сделаны исключения, и в данном случае, с точки зрения целесообразности, мулла, получивший образование в Персии, получил назначение в Дербент и сделал успешную карьеру в России. Его старания были оценены, а семья получила пенсионные выплаты в полном объёме его жалованья, хотя срок выслуги составлял не 30, а всего 14 лет [Недзелюк, 2023, 449–463].

Католики. Процесс выстраивания взаимоотношений с католиками развивался по тому же алгоритму, что и с иными *признаваемыми* исповеданиями. Как и в описанных выше кейсах, инициатива становления национальной иерархии принадлежала Екатерине II (14 декабря 1772 г. ею был издан указ о предстоящем назначении епископа, в духовном управлении которого будут состоять все римско-католические церкви и монастыри Российской империи). Фактическая поэтапная реализация её замысла заняла временной отрезок протяжённостью в семьдесят лет. 22 ноября 1773 г. таким епископом стал Богуш-Сестренцевич Станислав, белорус. Папский престол отреагировал через десять лет, направив в Россию Апостольского легата Джованни Андреа Аркетти, и 8 декабря 1783 г. создание Могилевской римско-католической архиепархии в России было канонически утверждено. Кафедральный собор архиепархии находился в Могилёве (храм Успения Девы Марии и Святого Станислава) и только в 1849 г. резиденция митрополита–архиепископа была официально на постоянной основе перенесена в Санкт-Петербург. Немаловажным фактором в развитии процесса был язык коммуникации: богослужебной, образовательной, делопроизводственной.

Второй архиепископ-митрополит Каспер Казимир Цецишовский, исполнявший свои обязанности в 1828–1831 гг., правил, не покидая Луцко-Житомирской епархии. У третьего архиепископа Могилевского Игнатия Людовика Павловского (1832–1842 гг.) разногласий со светскими властями не наблюдалось, однако его кандидатура не вызывала восторгов в Ватикане, почему утверждение в должности архиепископа от Святого престола он получил лишь за год до смерти, 1 марта 1841 г.

Казимир Рох Дмоховский, четвёртый митрополит-архиепископ, был возведён в сан лишь после соглашения, выданного Римом 3 июля 1848 г., а паллий принял 26 ноября того же года в Петербургской церкви Святой Екатерины. Его преемник Игнатий Петрович Головинский активно поддержал Конкордат 1847 г., закрепивший правило назначения епископов по взаимному согласованию Российского правительства и Папского престола (условия те же, что и в описанном кейсе с выборами главы иерархии буддистов: из трёх предлагаемых кандидатур безоговорочно одобрятся одна как *persona grata*) [Конкордат, 1847].

Одним из существенных условий конкордата было обязательство для русского правительства финансировать деятельность католических административных структур в империи, ежегодно выделяя для этой цели из государственного бюджета 104 480 руб. Польские католические епархии, присоединённые в 1795 г. после раздела Речи Посполитой, принимались без каких-либо изменений в структуре и языке богослужения. Словарь Брокгауза и Ефрона фиксирует не только факт подписания конкордата, но и косвенные последствия: преемник митрополита Головинского Вацлав Жилинский стал «фигурой согласия» (кандидатура предложена Александром II, одобрена Пием IX), был хиротонисан в церкви св. Екатерины Санкт-Петербурга, но его последователь Антоний Фиалковский (1872–1883) высказывал недовольство действиями правительства по подавлению мятежа в Царстве Польском и покровительствовал польскому языку в коммуникативных и образовательных практиках. Выделяя немалые бюджетные средства, ДДД ИИ МВД хотел бы понимать содержание государственно-конфессионального контента, тем более что условиями конкордата предусматривалось прямое руководство епископов церковными судами и семинарским образованием [Конкордат, 1847]. Последователь Фиалковского, восьмой архиепископ Могилевский Александр Казимир Дзевалтовский-Гинтовт в эпоху

восстания 1863–1866 гг., с разрешения гродненского губернатора являлся официальным духовником политзаключённых, а в 1870 г. за отказ подчиниться требованию правительства об употреблении в дополнительных богослужениях и проповедях русского языка вместо польского и вовсе на два года был отстранён от духовной деятельности.

Архиепископ Симон Мартин Козловский (1891–1899) проявлял лояльность в отношении русского языка и правительства, увлекаясь церковнославянским: он проигнорировал указ о запрещении римским католикам проповеди среди греко-католиков. Усилиями десятого митрополита Болеслава Иеронима Клопотовского (его метафорично можно назвать миротворцем: доктор церковной истории, завещал своё имение в Столыпино Новгородской губернии семинарии римских католиков в Санкт-Петербурге под дачу для отдыха преподавателей и семинаристов) начались переговоры с Римом о введении русского языка в дополнительное богослужение [Белецкий, 1908, 42–45]. Стремления архиепископа увенчались декретом Папы римского от 13 октября 1906 г. [Папский декрет, 1907, 13]. Болеслав Иероним Клопотовский и его преемник Ежи Юзеф Элизеуш Шембек опередили время: повсеместная практика использования национальных языков в латинском обряде католического богослужения будет введена лишь после Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.).

Поиски компромисса во взаимоотношениях с католиками определяли многолетний контент государственно-конфессиональных взаимодействий, где практика использования государственного языка являлась индикатором благополучия (либо неблагополучия) состояния как межконфессионального диалога, так и религиозной политики в широком ключе.

Иудеи в Российской империи. Выше мы рассмотрели кейсы исповеданий, имевших в Российской империи статус «признаваемых». И мусульмане, и католики, и буддисты, хотя и не обладали такой степенью легитимации, как православные, однако ощущали себя в достаточной мере социально полноценными в правовом поле государственно-конфессиональных отношений, чего нельзя сказать о раскольниках и иудеях. В отношении языка богослужения раскольничьих групп, именуемых сектами, вопрос языка богослужения не поднимался – он априори был русским.

Идиш в качестве разговорного языка евреев России, а иврит – в качестве языка богослужения у иудеев могли обсуждаться на уровне повседневных практик, но во взаимоотношениях с властями использовался русский. «Дело об определении служебных прав евреев, получивших образование за границей, и о признании их образовательного ценза достаточным для занятия в России должности раввина. 1883–1904 гг.» имеет «говорящий» титул [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 453].

Заключение

Проведённый нами анализ позволил сделать следующие выводы, значимые для понимания особенностей государственно-конфессиональной политики России.

Не представляя собой самоцель, требование использования государственного языка руководителями неправославных культов в России постекатерининской эпохи выполняло роль инструмента влияния на кадровый состав религиозных организаций. Лидер, получивший образование за рубежом и не владевший русским языком, мог получить назначение лишь в качестве исключения.

Государство не вмешивалось в систему богослужебных практик, но хотело бы видеть лояльное отношение со стороны *иностранных* и *инославных* религиозных организаций.

Речь ни в коем случае не шла о проявлениях лингвонационализма. Язык богослужения в каждом из вероисповеданий оставался традиционным, исключение составили новшества дополнительного богослужения у католиков, урегулированные папским декретом.

Государство не посягало на язык богослужебных практик; камнем преткновения становились финансовые вопросы. Строительство и ремонт учреждений культа, регулирование числа духовных лиц, выплата жалованья и пенсий «заштатным» клирикам, финансирование деятельности административных структур у католиков и буддистов – эту переписку ДДД ИИ МВД хотел вести непременно на русском языке.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФ, проект № 23-18-00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных районах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project № № 23-18-00117.

Список сокращений

ДДД ИИ МВД – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД
МВД – Министерство внутренних дел
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНФ – Российский научный фонд

Библиографический список

1. Белецкий, А.В. Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костёлах России / А.В. Белецкий // Виленский календарь на 1908 г. – Вильна, 1908. – С. 42–45.
2. Бугаева, И.В. Язык богослужения в православных храмах Финляндии / И.В. Бугаева // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. – С. 235–246.
3. Верещагина, А.В. Об особенностях использования русского языка в христианской богослужбной практике белорусов в прошлом и настоящем / А.В. Верещагина // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: материалы междунар. науч. конф. – Минск: Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, 2019. – С. 102–110.
4. Гроен, Б.Я. Каким должен быть язык богослужения? / Б.Я. Гроен // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2020. – № 36. – С. 157–169.
5. Колесо сансары: буддийская мудрость бурят [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. – URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/koleso-sansary-buddiyskaya-mudrost-buryat/> (дата обращения 18.07.2024).
6. Конкордат 22 июля (3 августа) 1847 г. [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI (30). – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10161/#page/495/mode/tup> (дата обращения 18.07.2024).
7. Недзелюк, Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. / Т.Г. Недзелюк. – Новосибирск: Прометей, 2009. – 218 с.
8. Недзелюк, Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917) / Т.Г. Недзелюк. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. – 345 с.
9. Недзелюк, Т.Г. Пенсионное обеспечение мусульманского духовенства в азиатской части Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Т.Г. Недзелюк // Научный диалог. – 2023. – № 12(9). – С. 449–463.
10. Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное римско-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1907. – № 1. – С. 13.
11. Первый Пандито Хамбо Лама Заяев Дамба Даржа [Электронный ресурс] // Бурятия в лицах. – URL: <https://persons.i-bur.ru/zayaev-damba-darzha> (дата обращения: 15.07.2024).
12. Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири 15 (27) мая 1853 г. [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/b/polozhenie-olamaiskom-dukho-96524d> (дата обращения 15.07.2024).
13. Пучкова, И.С. Немецкий язык в богослужении и миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Германии / И.С. Пучкова // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах. – Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2015. – С. 86–93.
14. Рябинин, Д.В. К вопросу о переводе богослужения на русский язык / Д.В. Рябинин, Л.К. Конышева // Церковь. Богословие. История. – 2022. – № 3. – С. 231–236.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Ф. 821. Оп. 8. Д. 453. Дело об определении служебных прав евреев, получивших образование за границей, и о признании их образовательного ценза достаточным для занятия в России должности раввина. 1883–1904 гг.
16. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1021. Дело о рассмотрении обстоятельств утверждения Ибрагима Ахметова ахуну Семипалатинской области и о признании за гражданскими властями права замещения административных должностей лицами духовного звания. 1864–1865 гг.
17. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1074. Дело о введении образовательного ценза для магометанского духовенства, в том числе обязательного испытания в знании русского языка. 1888–1893 гг.
18. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1079. Ходагайтства уполномоченных магометанских обществ об отмене закона 1888 г, предусматривающего обязательность испытаний в знании русского языка для лиц, желающих занять магометанские духовные должности. 1889 г.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. О выплате жалованья, пенсий и пособий духовным лицам магометанского исповедания и их семьям. 1893–1903.
20. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1236. Об увольнении Ванчикова от должности шеретуя Гусиноозерского дацана и от исполнения должности бандидо-хамбы ламайского духовенства Восточной Сибири за противодействие политике правительства в отношении ламайского вероисповедания. 1872 г.

Текст поступил в редакцию 27.07.2024.

Принят к печати 26.08.2024.

Опубликован 24.12.2024.

References

1. Beleckij A.V. *Vilenskij kalendar' na 1908 g.* [Vilna calendar for 1908]. Vilna, 1908, pp. 42–45 (in Russian).
2. Bugaeva I.V. *Yazyki sosedej: mosty ili bar'ery? Problemy dvuyazychnoj kommunikacii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [The languages of the neighbors: bridges or barriers? Problems of bilingual communication: materials of the International Scientific Conference]. Sankt-Peterburg, 2011, pp. 235–246 (in Russian).
3. Vereshchagina A.V. *Idiolekt rusской yazykovoj lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoj situacii v slavyanskom pogranič' e: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Idiolect of the Russian linguistic personality as a reflection of the linguistic and cultural situation in the Slavic borderland: materials of the International Scientific Conference]. Minsk, 2019, pp. 102–110 (in Russian).
4. Groen B.Ya. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo institute* [Bulletin of the St. Philaret Institute]. 2020, no. 36, pp. 157–169 (in Russian).
5. *Koleso sansary: buddijskaya mudrost' buryat* [The wheel of Samsara: Buddhist wisdom of the Buryats]. Available at: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/koleso-sansary-buddijskaya-mudrost-buryat/> (accessed on July 18, 2024) (in Russian).
6. *Konkordat 22 iyulya (3 avgusta) 1847 g.* [The concordat of July 22 (August 3) 1847]. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book10161/#page/495/mode/1up> (accessed on July 18, 2024) (in Russian).
7. Nedzeliuk T.G. *Rimsko-katolicheskaia tserkov' v polietnichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri 1881–1918 gg.* [The Roman Catholic Church in the polyethnic space of Western Siberia 1881–1918]. Novosibirsk: Prometej Publ., 2009, 218 p. (in Russian).
8. Nedzelyuk T.G. *Konfessional'noe soobshchestvo katolikov Sibiri: vliyanie mirovozzreniya na povsednevnyu zhizn' (1830–1917)* [Confessional community of Catholics of Siberia: the influence of worldview on everyday life (1830–1917)]. Novosibirsk: SibAGS Publ., 2016, 345 p. (in Russian).
9. Nedzelyuk T.G. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2023, no. 12(9), pp. 449–463 (in Russian).
10. *Vestnik Vilenskogo Pravoslavnogo Svyato-Duhovskogo bratstva* [Bulletin of the Vilna Orthodox Holy Spiritual Brotherhood]. 1907, no 1, pp. 13 (in Russian).
11. *Pervyj Pandito Hambo Lama Zayaev Damba Darzha* [The first Pandito Hambo Lama Zayaev Dam Darzha]. Available at: <https://persons.i-bur.ru/zayaev-damba-darzha> (accessed on July 15, 2024) (in Russian).
12. *Polozhenie o lamajskom duhovenstve v Vostochnoj Sibiri 15 (27) maya 1853 g.* [Regulations on the Lamai clergy in Eastern Siberia on May 15 (27), 1853]. Available at: <https://bigenc.ru/b/polozhenie-o-lamajskom-dukho-96524d> (accessed on July 15, 2024) (in Russian).
13. Puchkova I.S. *Aktual'naya teologiya: religioznaya identichnost' v regional'nyh sociokul'turnyh processah* [Topical theology: religious identity in regional socio-cultural processes]. Omsk, 2015, pp. 86–93 (in Russian).
14. Ryabinin D.V., Konysheva L.K. *Cerkov'. Bogoslovie. Istoriya* [Church. Theology. History]. 2022, no. 3, pp. 231–236 (in Russian).
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Department of spiritual matters of foreign confessions of the Ministry of Internal Affairs. Inventory 8. File 453. The

case of determining the official rights of Jews educated abroad and recognizing their educational qualification as sufficient to hold the position of rabbi in Russia. 1883–1904 gg. (in Russian).

16. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1021. The case of the consideration of the circumstances of the approval of Ibrahim Akhmetov by the akhun of the Semipalatinsk region and the recognition by the civil authorities of the right to replace administrative positions by persons of spiritual rank. 1864–1865 gg. (in Russian).

17. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1074. The case of the introduction of an educational qualification for the Mohammedan clergy, including a mandatory test of knowledge of the Russian language. 1888–1893 gg. (in Russian).

18. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1079. Petitions of the authorized Mohammedan societies for the repeal of the law of 1888, which provides for mandatory tests of knowledge of the Russian language for persons wishing to occupy Mohammedan spiritual positions. 1889 gg. (in Russian).

19. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1181. On the payment of salaries, pensions and allowances to the clergy of the Mohammedan confession and their families. 1893–1903 gg. (in Russian).

20. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1236. On the dismissal of Vanchikov from the post of cheretui of the Gusinozersky datsan and from the post of bandido-khamba of the Lamai clergy of Eastern Siberia for opposing the government's policy towards the Lamai faith. 1872 gg. (in Russian).

*Submitted for publication: July 27, 2024.
Accepted for publication: August 26, 2024.
Published: December 24, 2024.*